

**К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА**

Одной из самых сложных переводческих проблем является передача национального (народного) колорита, особенно если произведение написано языком, выходящим за рамки литературной нормы, насыщенным просторечием и диалектизмами. Способность переводчика передать элементы народного колорита влияет на то, как будет восприниматься переводной текст читателем: как вольный пересказ событий, оторванных от национальной почвы, или как подлинное отражение национального духа другого народа.

Сложность воспроизведения национального колорита заключается в том, что он охватывает как денотативное, так и коннотативное содержание текста, проявляется в описании как материальной, так и духовной (что особенно важно) жизни народа. Колорит может быть выражен эксплицитно (через имена, реалии) или имплицитно речевым поведением, характеристиками персонажей. С одной стороны, различные выразительные средства в художественном тексте объединяются на основе их общей функции — передачи национального колорита как взаимодополняющие, несмотря на их разную лингвистическую природу. С другой — они дифференцируются по степени участия в создании того или иного параметра текста (или его социокультурной функции). К таким параметрам организации национального колорита мы относим этнографический, временной, социокультурный и показатель распределения социальных ролей и взаимоотношений.

Когда читаешь такое произведение, как повесть В. Быкова «Сотников», то невольно ловишь себя на мысли, что перевести ее со всеми штрихами и нюансами очень трудно, так много в повести народного и «колоритного». Здесь просторечия и диалектизмы охватывают и лексику, и синтаксис, и фонетику. В них отражаются все содержательные параметры народного колорита повести: этнографические черты, социальный и культурный уровень персонажей, распределение социальных ролей — черты, характеризующие и авторскую народность, проявляющуюся в удивительной близости речи автора к речи его персонажей. Не передать эти черты, сгладить разговорную стихию повести — значит исказить весь ее пафос.

Всякий литературный персонаж — это типизация каких-то специфических особенностей, присущих группам людей. В повести «Сотников» такими социокультурными группами (типами) оказываются белорусские крестьяне, партизаны и полицаи-изменники. Их речь, поведение, образ мыслей ярко индивидуализированы, что создает естественную картину народной жизни в период оккупации. Единая, на первый взгляд, разговорная речь распадается на слои, разделяя или сближая социальные группы персонажей. Народные черты речи оказываются тем стилистическим стержнем, на котором строится вся структура этого произведения.

Есть два перевода повести «Сотников»¹ на английский язык, принятые лондонским издательством «Bodley Head»² (далее А₁) и издательством «Прогресс»³ (далее А₂). Их сопоставление позволяет оценить используемые переводчиками возможности передачи диалектально-просторечных особенностей, участвующих в создании национального колорита повести. Этнографическими маркерами оригинала выступает ономастика с просторечными коннотациями и разговорными словообразовательными моделями, которая в обоих переводах передана посредством транслитерации. Транслитерация дает читателю представление только о форме имен, но ни внутренняя форма, ни коннотации, ни национальные различия имен не доступны английскому читателю (ср.: Okun, Rybak, Volovets, Glinyany). Более выгодно на этом фоне выглядит перевод А₂, где сделана попытка калькирования и функциональной замены несколь-

ких имен с коннотативным и сигнификативным значением (ср.: «Headman is Owl?» — «Староста Сыч?», «In Muscovy» — «В Московщине?», что приводит к частичной компенсации в рамках этнографического параметра.

Этнографические маркеры — элементы белорусского просторечия, идиомы и обращения в переводе A_1 совершенно стираются при уподобляющем переводе (ср.: паночки — *sirs*, дядька — *uncle*, пани старости́ха — *madam headman*), а в тексте A_2 частично компенсируются посредством разговорных и оценочных дефиниций и форм (*kind sirs*, *m'am old girl*). Этнографический колорит искажается и там, где в тексте A_1 «литературируются» просторечные реалии (ср.: зельечко — *herbs*, сенцы — *entrance passage*, мужик — *man in the village*, бульбочка — *potatoes*). В тексте A_2 диалектальность и просторечность глубже прочувствованы, переданы переводчиком в ряде случаев эквивалентами из разговорного словаря (*potion*, *spuds*, *tatters*, *villager*) и разговорного синтаксиса.

Помимо этнографической функции, диалектизмы и просторечие выполняют функцию социокультурных маркеров, вплетаясь в ткань речи той или иной группы персонажей. Создается картина социокультурного расслоения: разговорная речь партизан — крестьянское просторечие, речь исконно народная — у партизан и крестьян — речь, искаженная варваризмами — у полицаяв. Таким образом отражается распределение социальных ролей и взаимоотношений в народе. В переводах же эти штрихи переданы с разной степенью достоверности. Читая перевод A_1 , видим, что не сумев отыскать функционально сопоставимого явления для белорусского крестьянского говора и разговорной речи партизан, переводчик не сумел передать дух оригинала, исказил его социокультурный показатель. Крестьяне и партизаны здесь заговорили литературно-разговорным языком (разница между ними не отражена): «He comes from here» — «Тутошний он»; «That's right, I am the headman» — «Староста, ну!»; «I live alone, of course» — «Так одна ж я». Разговорность в этом переводе часто передается посредством вульгаризмов, не являющихся в полном смысле функциональным эквивалентом просторечия (ср.: «Подрубали, называется!» — «The bastards, the bastards»). Коллоквиальные же вкрапления редки и не создают системы.

В переводе A_2 шире использованы возможности английской разговорной речи, живого народного языка. И персонажи здесь выглядят достовернее (ср.: «Черт, привяжется, хоть разорвись!» — *Hell It really gets you!*; «Подрубали, называется!» — «*There goes our posh-up!*»). Речь крестьян насыщена разговорными лексическими, фонетическими и синтаксическими элементами. Это, конечно, не просторечие в нашем понимании, но тем не менее попытка передать ненормативность речи ощущается.

Грубость речи полицаяв передана в обоих текстах. Но в A_1 она нейтрализуется сходством с тоном речи других социальных групп, а в A_2 , на фоне этически более высокой речи крестьян, речь предателей создает более отталкивающее впечатление озверевших, потерявших свой родной язык предателей:

A_1 : «Привет, фрава. Как жисть?» — «*Hallo Frau! How's life?*»;

A_2 : *Hallow, lovely! How's life treating you?*

Приведенные примеры показывают, что в рамках рассмотренных параметров национального колорита повести доминативными оказываются характерологические функции диалектизмов и просторечия, которые должны быть воссозданы при переводе, даже если этому мешает несовпадение стиливых норм двух языков. Игнорирование этого момента в переводе A_1 ведет не только к стиранию этнографических особенностей, но и к исчезновению социально-культурных различий: социальные группы утрачивают индивидуальность, которой наделил их автор.

¹ В качестве оригинала нами принимается авторизованный перевод повести на русский язык: Быков В. Повести.— Пермь, 1976, поскольку английские переводы сделаны с русского текста.

² См.: Bykov V. The Ordeal.— London, 1972.

³ См.: Bykov V., Vassilyev B. Sotnikov. The Dawns are Quiet here.— Moscow, 1975.

КРИСТИНА ПЕТЖАК

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ *-тель* РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Сравнительно-сопоставительное изучение названных имен русского и польского языков ¹ позволяет установить два вида соответствий в польском языке: **простые**, состоящие из одного слова (искатель — *poszukiwacz*, воспеватель — *piewca*, ваятель — *rzeźbiarz*, опылитель — *zapylacz*, фрахтователь — *frachtujący* и др.), и **составные**, равные двум или большему количеству слов (заготовитель — *agent skupu*, меритель — *urządzenie pomiarowe*, каратель — *członek ekspedycji karnej*, требователь — *ten kto żąda* и др.)².

Простые (однословные) соответствия представлены в подавляющем большинстве случаев именами существительными (действитель — *działacz*, проситель — *petent*, избиратель — *wyborca*, продолжатель — *kontynuator*, проигрыватель — *adapter*). Реже эти соответствия выражены субстантивированными именами прилагательными или причастиями (святитель — *święty*, посетитель — *zwiedzający*, строитель — *budowniczy*, председатель — *przewodniczący*, укрыватель — *ukrywający*).

Выявляются следующие типы отношений между номинациями на *-тель* русского языка и их польскими соответствиями — существительными:

1. Слова, материально тождественные по основе и суффиксу ³, (усыновитель — *usynowiciel*, нарушитель — *naruszyciel*, мыслитель — *myśliciel*, представитель — *przedstawiciel*, мститель — *mściciel*, носитель — *posiiciel*, душитель — *duciciel*, выразитель — *wyraziciel* и т. д.);

2. Единицы, материально тождественные по основе, но нетождественные по суффиксу (писатель — *pisarz*, прародитель — *prarodziec*, открыватель — *odkrywca*, метатель — *miotacz*, владетель — *władca*, копатель — *koparka*, гаситель — *gaśnica*, множитель — *mnóżnik*, корчеватель — *karczownik* и др.);

3. Существительные, материально нетождественные по основе, но тождественные по суффиксу (гонитель — *gnębiiciel*, почитатель — *wielbiciel*, разоритель — *niszczyciel*, учредитель — *założyciel*, заверитель — *poświadczyiciel*, исцелитель — *uzdrowiciel* и др.);

4. Номинации, различающиеся противопоставлением префиксов или наличием / отсутствием префикса, при материальном тождестве остальных элементов сопоставляемых слов (возобновитель — *odnowiciel*, искупитель — *odkupiciel*, пояснитель — *objaśniiciel*, провозгласитель — *ogłosiciel*, уведомитель — *powiadomiciel*; учитель — *nauczyciel*, искуситель — *kusiiciel*, отомститель — *mściciel* и т. д.);

5. Существительные, материально нетождественные по основе и суффиксу (испытатель — *badacz*, производитель — *wytwórca*, житель — *mieszkaniec*, гадатель — *wróźbiarz*, обыватель — *mieszczanin*, грабитель — *rabuś*, предсказатель — *wróźbita*, предвещатель — *zwiastun*, поприцатель — *krytykant*, притязатель — *pretendent*, выморатель — *szantażysta*, вдохновитель — *inspirator*, наставитель — *mentor*, отопитель — *ogrzewnica*, двигатель — *silnik*, глушитель — *tlumik*, нагнетатель — *sprężarka*, разжижитель — *rozcieńczalnik*, вдуватель — *dmuchawa*, обтекатель — *opływka* и ряд др.). К ним примыкает немногочисленная группа непрямых соответствий (блюститель — *stróż*, зритель — *widz*, настоятель — *przeor*, пытатель — *kat*, засоритель — *chwast*).

Как показывает материал, эквивалентами русского суффикса *-тель*